

Расписные истины

Елена Волкова в Третьяковской галерее

Коммерсантъ - 2005 - 15 дек - с. 22

Выставка примитив

В Третьяковской галерее на Крымском валу открылась выставка Елены Волковой «Мир всем». Это первый случай, когда в Третьяковке устраивают прижизненную ретроспективу наивного художника. Однако АННЕ ТОЛСТОВОЙ показалось, что «жизнерадостное искусство» 90-летней художницы из народа не так уж жизнерадостно и вовсе не наивно.

Над Москвой-рекой парят рыбы — большая, золотая, и поменьше, «изумрудно-веселая», как поясняет сама Елена Волкова в простодушных экспликациях к каждой картине. Берега сплошь усыпаны цветами и грибами, те же грибы и цветы на натюрмортах, это второй после анималистического любимый жанр художницы. В натюрмортах — еще большее природное изобилие: румяные хлеба, коринки с молоком, огурцы с помидорами, связки редиса и лука, непременные гроздья винограда всех цветов радуги, как воздушные шарики на первомайской демонстрации, разрезанные арбузы, в которых семечки выстроились по кругу — в «хороводе радости», и даже ананасы. И вот здесь принято говорить что-то патристическое про несгибаемый оптимизм народного искусства, но язык как-то не поворачивается. Потому что этот идиллический мир полон смертью: и цыплята, только вылупившиеся из яйца, хищно охотятся на жучков-паучков, и еще живой поросенок спрятался в натюрморте среди овощей и фруктов, и, судя по выражению морды, умирать ему совсем не хочется. И самый роскошный «Праздничный натюрморт» посвящен вообще-то Дню Победы и написан в память

С 70-х годов рукой Елены Волковой вела мощная искусствоведческая традиция ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

погибшего на фронте мужа. Миф Елены Волковой — этакой доброй хлебосолки-сказочницы-волшебницы — сложился давно, еще в 1970-х. Тогда же сложился и канонический образ ее искусства — такой, с каким она попадает на странички монографий и словарей по примитиву, рядом с Анри Руссо, Нико Пиромани, Иваном Генераличем и Бабушкой Мозес. Собственно, и картины, представленные на ретроспективе, все написаны не ранее 1970-го, когда за наивную живописицу активно звались совсем не наивные искусствоведы, художники и прочие культуртрегеры. Впрочем, есть некоторые основания полагать, что до 1970-х искусство Елены Волковой было каким-то другим.

Она родилась в городе Чугуеве Харьковской губернии — чуть не на соседней улице с другим великим самородком, Ильей Репиным. Рисовать начала едва не с колыбели, за отсутствием в крестьянской семье красок — белой глиной, красной ягодой и синькой. Впрочем, времена наступали такие, не располагаю-

щие крестьянина к индивидуальному художественному творчеству — раскулачивание, коллективизация, украинские голодоморы, война. Так что первые 50 лет жизни Елене Волковой было не до искусства: ее здорово помотало по стране, кем только она не работала — бухгалтером, помощником мужа-киномеханика, медсестрой, портнихой, растила сына. Живописью занялась лишь в начале 1960-х. Вот тогда на нее и обратил внимание харьковский художник Василий Ермилов, в прошлом — авангардист, участник футуристической группы «Семерка» и один из крупнейших украинских конструктивистов. Он, как и все авангардисты, цену примитиву знал и народный талант, в гроб сходя, благословил. Затем она попала в поле зрения другого именитого харьковчанина — уже из круга нонконформистов — Вагрича Бахчаняна. Он, как и все нонконформисты, питал к примитивам, не входящим в сферу официоза, что-то вроде чувства социальной симпатии и посоветовал ехать в Москву.

А в Москве за нее взялись совсем всерьез: тут и первая квартирная выставка в доме вдовы Роберта Фалька, и популярность в среде актеров-вахтанговцев, и знакомство с Михаилом Алпатовым и его искусствоведческие восторги, и Дом творчества Союза художников в Старой Ладоге, в резервации для «самодельных». И как будто бы сам Илья Кабаков был очарован ее картинами. В официальных биографиях про всех, кто помогал продвижению Елены Волковой на художественном рынке, говорится: «поддерживали», «советовали». Почему-то кажется, что советчики ее перекладывали, стилизовали то под одного, то под другого из уже известных «примитивов». Вот, например, в начале 1970-х рекомендовали обратить внимание на Пиромани — и Елена Волкова ответила серией вроде бы не слишком органичных ей жанров с крупными угловатыми фигурами в гражданских костюмах. А потом с ней занялись мифологией — и пошли «афродиты» и «леды с лебедями». А потом все как-то сошлось на Генераличе с его фантастической флорой-фауной.

Этот пейзажно-сказочный мир, где вся природа — одна скатерть-самобранка, ей и правда, наверное, был близок. Только внутренне он чем-то похож на живопись Натальи Нестеровой (в 1970-е художники левого МОСХа повально увлекались примитивом): пиры, застолья, праздник, отдых — но без радости, в безвоздушном, выморочном каком-то пространстве. Но в отличие от Натальи Нестеровой, свое пространство сконструировавшей самостоятельно и вполне в нем освоившейся, Елене Волковой в ее безвоздушной цветочной среде как будто бы не вполне уютно.